

Тишина моей памяти

The background of the cover features the silhouettes of a man and a woman in a close embrace. They are positioned in front of a bright, glowing window that creates a strong backlight effect. The scene is filled with a soft, ethereal light, and numerous small, pinkish-red petals or leaves are shown falling around the couple, adding a sense of movement and emotion to the composition.

Харин

Данил

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Данил Харин

Тишина моей памяти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59489807

SelfPub; 2020

Аннотация

Есть люди, которые хотят забыть свое прошлое, забыть то, кем они были, и больше не вспоминать. Однако, что если это произойдет с тем, кто никогда этого не хотел? А может и хотел... Раскрыв глаза, Джаспер понял, что находится в больнице. Тело его не слушалось, но что еще страшнее, он даже не помнил своего имени, пока его не назвал доктор. Джаспер провел в несколько дней ожидая того, кто мог бы напомнить ему, кто он такой. На помощь ему пришел не кто-то из семьи, а старая подруга Джаспера, знающая о нем все и желающая помочь вспомнить, что он пережил в прошлом... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 0. Пробуждение.	4
Глава 1. Осколки прошлого.	9
Глава 2. Рассказ минувших дней.	22
Глава 3. Граница воспоминаний.	52
Глава 4. Последние слова.	65

Глава 0. Пробуждение.

Я ощущаю нечто странное, очень странное... Это похоже на легкость. Будто я вешу меньше килограмма. Медленно раскрыв глаза, я увидел бледно-голубой потолок, стены, как мне кажется, того же цвета. К рукам присоединены какие-то трубки. Не могу повернуть головой, потому не уверен в этом, но с боку вроде стоит капельница. Дверь в комнату открылась и вошла женщина в бледно-розовой одежде. Кажется, подобную носят медсестры... Я заметил, что она удивлена. Подойдя ближе, она бегло осмотрела меня и вышла из палаты, громко крича: «Доктор, доктор!». Даже в столь плохом состоянии я понимал, что эта ситуация похожа на сцену из дешевого фильма. Тут же вошел высокий мужчина с маской на лице и этой штукой на шее, для слушания дыхания. Теперь бюджет упал еще на пару десятков тысяч. Он внимательно осмотрел меня, а после спросил: «Джаспер, ты меня слышишь?» – Джаспер? Это я, что ли? Я кивнул: «Можешь сказать что-нибудь?» – открыв рот, мне не удалось выдать из себя ни звука. Еще бы, я глаза еле открытыми держу... «Вот как, ладно, отдыхай, я к тебе еще зайду», – после, он ушел.

Закрыв глаза, я попытался понять, что вообще происходит, как и где я оказался. Хотя, последнее и так ясно... Но

что случилось, раз я в больнице и даже говорить не могу. Я немного напрягся, пытаюсь вспомнить, что было до этого момента, но ничего не вышло. Даже больше, я с ужасом осознал, что не помню вообще ничего. Абсолютно. Будто меня и не существовала раньше. Сильный страх объял все тело, но ни закричать, ни даже двинуться не выходило. От этого было еще более жутко, будто я беззащитен и со мной можно делать все, что в голову взбредет.

Даже не могу предположить, сколько прошло времени, но мне удалось более или менее прийти в себя. Я оказался в крайне затруднительном положении, раз не помню, кем являюсь. Амнезия вещь крайне опасная. Но, не может же быть такого, что у меня нет ни друзей, ни родных, которые мне помогли бы справиться? Уверен, скоро ко мне кто-нибудь заглянет, и, возможно, я что-то вспомню. В конце концов, имя свое я уже знаю – Джаспер! М-да, какое-то оно... Пафосное? Хотя, раз так называли, деваться некуда, придется привыкать. Опять. Наверное, опять.

Вскоре начало темнеть и мне принесли поесть, к счастью, я смог избежать кормления с ложки. После ужина доктор вновь заглянул осмотреть меня. Я уже начал нормально поднимать руки и ноги, сжимать пальцы, двигаться в целом. На удивление, мне и заговорить удалось, хоть и с большим трудом.

– Как ты себя чувствуешь?

– Н-нормально...

– Это хорошо, я так и думал, что с тобой все в порядке, просто нужно отдохнуть. К утру, полагаю, ты сможешь встать, может даже удастся ходить.

– С-скажите... Что п... Произошло?

– Так ты не помнишь?

– Нет... Ничего... Совсем.

– Что? Хочешь сказать, у тебя амнезия? – Я кивнул. – Хм... Это все усложняет... Знаешь, у тебя была сумка, там был школьный пропуск, на нем было написано: «Джаспер Форгетфул». К сожалению, остальные слова мы не разобрали, пропуск был сильно поврежден, но не переживай, уверен, скоро кто-нибудь из твоих близких объявится, и все будет в порядке.

– Ясно... Но, что произошло со мной?

– Ты... Тебя... Тебя сбила машина, – Мне показалось очень странным то, что он замялся, будто не хотел мне говорить правду, или не знал, в какую передрагу я попал на самом деле. – Не беспокойся, сейчас ты в полном здравии, это главное. Что же, мне пора идти. Спокойной ночи. Доктор быстро вышел из палаты, захлопнув за собой дверь: «Что происходит... Здесь?».

Заснул я с трудом, мысли о том, что мне врут, терзали очень долго. Все же, с горем пополам, я это сделал. Как и

обещал доктор, мне удалось встать. Капельницу убрали после ужина, поэтому ничего не ограничивало мои движения. Добравшись до окна, я подумал, что это должно было быть сложнее. Раскрыв шторы, яркий свет ударил в глаза. Мельком осмотрев улицу, я не заметил ничего не обычного, но из-за солнца нормально осмотреться не удалось, и я занавесил окна. Позавтракав, доктор вновь пришел и проверил, как я хожу. Сказал, что все даже лучше, чем он полагал. На мою попытку задать вопрос, он либо говорил что-то невнятное, либо вовсе игнорировал меня.

На следующий день я уже был полностью здоров, не считая памяти. Ко мне так никто не пришел, а медсестра говорила, что они пытаются отыскать моих родственников, но, пока что, успехом поиски не увенчались. Я сильно переживал из-за этого, и эти переживания заставляли постоянно пытаться вспомнить все самостоятельно. Порой, проскальзывали какие-то фрагменты, но ничего цельного отыскать так и не удалось. Я впал в отчаяние. Было так плохо, что после ужина я стоял у раскрытого окна пару часов и бесцельно глядел на небо. Мне не хотелось искать созвездия, пытаться понять свою память или это место, просто был необходим ночной свежий воздух, это меня успокаивало. Похоже, я любил ночь. По крайней мере, теперь точно люблю. Незаметно для себя, я начал напевать какую-то песню: «I will burn... I will burn for you... With fire and fury... Fire and fury...» – из глаз потекли

слезы. Не знаю почему. Похоже, эта песня напоминает мне о чем то... Но о чем? «Что со мной вообще происходит?». Опустошенный, я закрыл окно и лег спать.

Глава 1. Осколки прошлого.

Меня разбудил стук в дверь. Открыв глаза, я увидел медсестру с завтраком: «Вот, ешь на здоровье. Кстати, к тебе гости, – от этой фразы я моментально проснулся, – Заходи!». Ко мне в палату зашла милая девушка. Она было не очень высокой, с рыжеватыми волосами чуть ниже ушей, которые подчеркивали ее чайные глаза. Одета она была в черные кеды с белыми полосами, черные джинсы и белую рубашку, что придавало некую строгость, но так же подчеркивало ее красоту. От этого вида во мне будто что-то зажглось. Похоже, она значила для меня очень много. Мы смотрели друг другу в глаза, не отводя взгляда: «Что же, не буду вас отвлекать, ребята. Если что понадобится, позовите», – Медсестра вышла, оставив нас наедине.

– Привет, Джаспер, – Девушка мило улыбнулась и села на кресло рядом с кроватью. Голос ее мне напомнил какую-то актрису, но, вспомнить какую, я не мог.

– П-привет...

– Мне сказали, у тебя амнезия... Ты помнишь, кто я?

– Прости. Я забыл совершенно всю свою жизнь...

– Вот как... Что же, зови меня Эбигейл.

– Эбигейл... Хорошо.

– Мы с тобой друзья. Ну, были ими, по крайней мере.

– Были? Что-то случилось.

– Да... Ты немного ошибся, ну как «немного»... Для меня это было слишком.

– Значит, я все испортил... Тогда, почему ты пришла?

– Ну, не знаю... Думаю, никто кроме меня бы к тебе и не пришел.

– Почему ты так считаешь?

– Я знаю о твоей жизни все. Абсолютно. Поэтому так и говорю.

– Знаешь, звучит жутко... Я и так на грани безумия, ведь ничего и никого не знаю, а ты еще говоришь, что кроме тебя никто ко мне не придет...

– Ты уже пересек грань безумия...

– Что?

– Нет, ничего. Понимаю, тебе не просто. Но я пришла помочь вспомнить все. От начала и до конца.

– Вот как...

– Ага. Но сначала, тебе стоит поесть, я подожду и подумаю, с чего нам начать.

– Как скажешь.

Закончив с завтраком, я устался на задумчивую Эби-гейл. Подперев щеку кулачком, она оперлась на край кресла и смотрела в пол. Если честно, она выглядела очень мило, невольно на лице появилась улыбка. Поняв, что я перекусил, она подняла голову.

– А, прости, что-то я совсем забылась.

– Ничего.

– И так, думаю, нам стоит начать с твоего детства, с самых истоков, так сказать.

– Да... Идея хорошая, только как я это вспомню?

– Хм... Давай так, ты помнишь родителей?

– Ну... Не особо... Вроде у меня нормальная семья, обычная.

– Братья, сестры?

– Скорее всего, нет. Я припоминаю, что дом был не особо большим, у меня комната была маленькая, там бы не поместился второй ребенок.

– Может он еще младенец и в комнате твоих родителей?

– Хм... Возможно, ты права. Кажется, порой слышал какой-то крик из их комнаты. Это был женский голос.

– Почему ты сказал «женский голос»?

– Ну, потому что это кричала девочка, наверное?

– Разве можно по крику младенца легко определить его пол?

– Ну, не думаю что легко...

– Тогда, может это и не младенец вовсе?

– Не помню... Вроде, на крик ребенка действительно не похоже, скорее взрослого человека, может эти звуки похожи на плачь или вроде того...

– Получается, женский крик и плачь. Почему?

– Почему? Ну... перед этим я слышал голос отца, как он ругается на кого-то, потом хлопок, грохочущие шаги, силь-

ный удар двери и, когда все затихает, плач мамы...

– Тогда, что это значит?

– Мой отец... Избивал мать?

– Верно. В твоей семье была такая проблема. Братьев и сестер у тебя не было. Тогда, следующий вопрос: отец избивал тебя?

– Нет... Да... Да... Иногда... Когда мама оставалась на работе на ночь или просто не приходила домой. В такие моменты он бил меня.

– А мама твоя об этом знала?

– Знала. Однажды, она просто поздно вернулась, а отец думал, что она уже не придет. Пока меня пинали, сквозь слезы я увидел маму, выглядывающую из-за двери. В ее глазах не было ни капли сожаления или вины, наоборот, она была рада, что сегодня не она попала под руку отцу...

– Ты вспомнил все верно. Так и было.

– Но... Почему? Почему отец так поступал?! И мама, ей было наплевать на меня. Она прикрывалась мной, лишь бы не чувствовать боль! Почему? – я встал, медленно подошел к окну, и уперся лбом в стекло. Хотя я и только вспомнил это, уже хотелось все забыть и никогда не вспоминать.

– Ты в порядке?

– А ты как думаешь? Пф-ф... Можешь принести воды, пожалуйста?

– Да, конечно.

Ужасное прошлое моей жизни... Не повезло мне с родителями, совсем не повезло... Ну, уверен, у меня есть и счастливые воспоминания, не может все состоять только из плохого. Так ведь? Эбигейл вернулась со стаканчиком воды, который я выпил за раз.

– Знаешь, я вспомнил еще кое-что. Это не что-то конкретное, просто... Если не ошибаюсь, всегда, когда я хотел чем-то поделиться с родителями, им было все равно, будто меня и нет. Отец еще и накричать мог. Короче, они ничего не знали обо мне, и не хотели знать...

– Угу... Не сладко тебе пришлось.

– Ага... – я медленно подошел к кровати и сел. – Слушай, я бы хотел немного отвлечься от этого. Может, ты расскажешь мне, каким я был. Что-то простое... Любимый цвет, например.

– Раз ты хочешь... – Эбигейл немного подумала, и продолжила. – Твой любимый цвет красный, хотя ты говорил, что в разных ситуациях цвета смотрятся по-разному. Твое любимое музыкальное направление – рок, а группа – Linkin Park, но ты слушал огромное количество разных коллективов. Как то ты сказал, что если придется выбрать тройку лучших, это были бы LP, Skillet и Dead by April.

– Вот как... А можешь включить мне какую-нибудь песню?

– Да... Ты мне скидывал клип... Сказал, что у LP это твоя любимая песня, хотя, выбирал ты ту, которая тебе больше

всего нравится около двух лет. Это In The End.

Она включила песню, и мы молча слушали. Голоса вокалистов рождали во мне разные чувства, я даже будто начал что-то вспоминать, но образы были слишком размытые. В глубине души родилась мысль, что эта песня описывают всю мою жизнь, но разве я могу быть уверенным в этом, если почти ничего не помню? В любом случае, я уверен, что любая, даже самая не значительная деталь может рассказать, какой я человек. Когда прозвучала последняя нота, Эбигейл спросила:

– Ну как?

– Классно. Мне нравится.

– Кто бы сомневался... – она слегка улыбнулась. – Ну что, продолжим копаться в твоём прошлом, или хочешь еще немного передохнуть?

– Давай попробуем продолжить.

– Как скажешь.

– И так, предлагаю вспомнить твою младшую школу.

– Хорошо.

– Можешь прямо сейчас сказать что-то на эту тему?

– М-м-м... Нет, наверное... Кажется, у меня было не особо много друзей, больше не помню.

– Ты уверен, что у тебя были друзья?

– В каком смысле?

– В прямом, может, ты ни с кем не общался?

– Нет, нет, точно кто-то был... Да, я помню... Четвертый класс, он был не плохим... У меня были друзья тогда.

– А еще раньше? Первый, второй, третий классы? Я не прошу тебя подробно описывать тех, с кем ты дружил, просто вспомни, кем были эти люди.

– Я... Я не могу вспомнить ни одного друга из школы в то время... У меня была подруга, соседка, но из школы никого.

– Раз ты не с кем не общался, кем ты был в школе?

– Одиночкой?

– Ага... Как ты думаешь, можно ли разделить таких детей на категории?

– Ну... Наверное, у кого-то какие-то проблемы с собой. Что-то вроде социофобии и похожие трудности. Короче говоря, они сами избегают общения, как бы к ним не относились. Другая группа это те, кто хочет общаться, но их не принимают, считают другими или вроде того, – Эбигейл встала и достала фотографию из заднего кармана.

– Посмотри, это твое фото того времени, – настоящий я совершенно не похож на меня тогдашнего. Я был достаточно крупным, можно даже сказать, очень крупным, сейчас же я вполне стройный. – Как думаешь, к какой категории ты относишься?

– Неужели... Второй?

– Верно. В младших классах над тобой постоянно все издевались, до побоев, конечно, не доходило, но тебе было невероятно плохо.

Тогда, я вспомнил очень многое. Хотя меня и не избивали, но один раз я подрался и, конечно, досталось мне крепко. Сколько было моментов, когда меня загоняли в угол и посыпали оскорблениями. У меня не было друзей. Хотя, иногда девочки защищали меня... Понятно, это особо мне не помогало. Но действительно ли не было никого, с кем я общался?

– Стой, я ошибся, у меня был друг! В третьем классе, он был таким же, как я, над ним постоянно издевались. Думаю, поэтому мы с ним и сдружились...

– Ах да... Он... Ты ведь уже примерно помнишь свой круг общения в четвертом классе?

– Да.

– Этот мальчик входит туда?

– Нет... Вроде нет...

– Как ты думаешь, почему?

– Я... Он... Не помню... Мы поссорились?

– Можно и так сказать. Знаешь, человеческому эгоизму нет предела... Мы готовы пожертвовать хоть сотней жизней, чтобы спасти свою. Хотя, бывают и исключения... В любом случае, этот «друг» предпочел свое благополучие твоей дружбе. В надежде, что над ним перестанут издеваться, он примкнул к тем, кто унижал тебя. Он стал поступать так же, как и остальные. Ха-х... Знаешь, что забавно? Ничего не изменилось. С ним как обращались, так и продолжили обращаться, он лишь потерял друга и принес тебе еще больше

страданий.

Теперь, я вспомнил и это. Сложно описать, как больно мне было, когда он стал одним из тех, кого я ненавидел. Я долго не мог понять, почему он так поступил, только в шестом классе он рассказал мне, почему это сделал. В любом случае, я не испытывал к нему ненависти, я простил его, но больше никогда не доверял и не хотел сближаться с ним.

– Слушай, Эбигейл... У меня в жизни вообще было что-то хорошее?

– Да. Думаю, да. Ты испытывал и счастье тоже...

– Вот как... Хорошо. Детство, очевидно, выдалось у меня не очень. Но все лучшее только впереди, так что я не беспокоюсь.

– У тебя на удивление хороший настрой, я рада.

– Спасибо.

– И так, думаю, осталось не много моментов из детства, которые нужно вспомнить. Ты уже говорил о подруге, можешь что-нибудь рассказать про неё?

– Ну, получается, она была моим единственным другом в детстве. Ее зовут Маргарет. Кажется, мы с самого раннего возраста были рядом и вместе росли.

– Не плохо. Все-таки хорошо, что все воспоминания переплетены друг с другом, так гораздо проще. У вас случались ссоры?

– Да, конечно случались. Но мы быстро мирились, и все

вновь вставало на свои места.

– Она так и живет рядом?

– А... Ну, наверное... Если честно, я не помню. Вроде, мы стали намного меньше общаться в один момент, но почему, не могу сказать.

– Она переехала.

– Переехала?

– Не в другой город, однако, это все равно пошатнуло ваши отношения.

– Переехала... Точно! – по сердцу будто провели лезвием. – Я вспомнил... Да... Я помню это... Перед тем как уехать, она включила мне какую-то песню про друзей, которая была в точности про нас. Тогда, я еле сдержал слезы и попрощался с ней. Потом, я нашел эту песню сам и, лежа на полу, плакал, вспоминая обо всем, что с нами происходило. Мне было так грустно и больно, что теперь мы не сможем видеться, когда захотим... Очень сложно было смириться с этим, но ничего изменить я не мог. Я чувствовал, что остался совершенно один...

– Ну, несмотря на это, вы могли переписываться, что и делали.

– Да, но все равно, это уже не то.

– Все же, это хоть что-то... Думаю, пока-что стоит остановиться на ее переезде, позже попробуем вспомнить о ней еще что-нибудь.

– Хорошо...

Глубоко вдохнув, я встал и вновь подошел к окну. На этот раз, я смог разглядеть вид. Судя по всему, сейчас лето, теплая погода и яркое солнце. За окном находился двор больницы, красивые пышные деревья, лавочки и столики рядом. Вместо обычного забора, все было в живой изгороди, что смотрелось очень красиво. В голове промелькнула мысль, что этот вид слишком идеальный. Двор выглядел так, будто он из какой-нибудь книги, придуманный и совершенный, в реальности невозможный. В любом случае, раз я вижу все именно так, значит это более чем реально.

Размышляя над всем этим, в голове всплыло воспоминание, и я повернулся к Эбигейл.

– Я вспомнил еще кое-что.

– Что же?

– Свою первую любовь.

– Вот как. Расскажи поподробнее.

– Это было в четвертом классе. Все мои друзья тогда постоянно спрашивали меня, кто мне нравится, но, такой девочки не было. Почему-то, они не хотели мне верить, и продолжали расспрашивать об этом. В итоге, мне это так надоело, и я соврал одному, Реймонду, что мне нравится Катрин, наша одноклассница. Я взял с него обещание никому не рассказывать, но он сразу полетел и выдал эту информацию нашим друзьям. После того, как они это узнали, то побежали в класс рассказать ей. Я пытался остановить их, просил не го-

ворить об этом, но всех удержать не удалось, кто-то забежал в кабинет, за ним остальные. Я был так напуган и растерян, не знал, что мне дальше делать, ведь на самом деле, ничего не испытываю. К счастью, они просто пошутили, и никто из них ничего Катрин не сказал.

– Ха-х, забавная история. И что, потом ты влюбился в нее по-настоящему?

– Да-а... Не знаю сколько прошло, прежде чем я осознал это, около двух месяцев, наверное. Но, в конце концов, не важно, сколько я над этим думал, важно то, что это произошло. Стоп, «забавная история»? Ты не знала об этом?

– Знала. Просто, это правда забавно, ну и я хотела вставить свою речь в твой монолог.

– Вот как.

– Но... Ты помнишь, как развивались ваши отношения? И были ли они вообще?

– В четвертом классе, как мне кажется, ничего не было, но воспоминания вернулись еще не до конца. Думаю, еще немного, и я смогу сказать все точно.

– Как скажешь.

– Наверное, тему детства можно на этом закрыть. Давай перейдем к пятому и последующим классам, хорошо?

– Конечно, давай двигаться дальше. На самом деле, это воспоминание делает меня счастливым, уверен, дальше все будет еще лучше.

– Рада за тебя.

– Слушай, а я могу называть тебя просто Эби?

– А? Что?

– Ну, просто так будет проще, да и как-то более по-дружески, – Эбигейл помрачнела, положила пальцы на губы и уставилась в пол.

– Я ведь говорила, что больше не считаю тебя своим другом, Джаспер. Прости, но лучше продолжай называть меня полным именем. Пожалуйста, – было видно, что я допустил ошибку, и теперь отношения между нами стали напряжёнными, да и веселость моя уменьшилась.

– Да... Прости... Как скажешь, Эбигейл...

Что же между нами произошло, что она так говорит? Похоже, я не слабо напортачил в прошлом... Знать бы, что пошло не так...

Глава 2. Рассказ минувших дней.

Эбигейл встала с кресла, потянулась, и подошла к окну.

– И так, ты помнишь, какие отношения у тебя были с одноклассниками, когда ты окончил начальную школу?

– Да, все в классе ладили, мы были настоящими друзьями. Это даже удивительно, насколько близки все были друг к другу.

– Вот как. Значит, у тебя появилось еще больше друзей?

– Верно. Я тогда был очень счастлив, ведь раньше никогда со мной такого не случалось.

– Это хорошо. Но ты уверен, что у тебя не было врагов, или вроде того?

– Вроде нет... Как я и сказал, у всех были хорошие отношения друг с другом.

– У вас может и да, но разве больше никого, кто мог с тобой соперничать, не было?

– Хочешь сказать... Другой класс из нашей параллели?

– Ага. Развивай мысль.

– Ну, наши классы перемешали... Точно! Болдуин... Пфф, – из меня вырвался невольный смешок. – Прости, просто это достаточно забавно звучит, как по мне. Напоминает имя какого-нибудь гнома.

– Ну да, и вправду забавно, – Эбигейл мягко улыбнулась.

– Я вспомнил, что у нас с ним были разногласия, но они

появились под конец учебного года и были связаны с Катрин, может я сначала расскажу о ней? Для полноты картины.

– Конечно, раз ты и о ней вспомнил, то давай.

– Хотелось бы, чтобы это была какая-нибудь нереально романтичную историю, что-то вроде того, что я спас ее от грабителей, и при этом сам чуть не погиб, но нет. Я особо не знал, что мне делать, но пытался как-то ухаживать за ней, по мере возможностей. Давал конфеты, предлагал донести портфель, все в этом роде. Конечно, мы и просто так хорошо общались, еще с четвертого класса, что было мне на руку.

– Кстати, учительница по русскому, наша классная руководительница, сажала нас вместе на своих уроках, потому-что видела, что мне нравится Катрин. Она как-то сказала: «Я вот все не могу понять, тебе нравится Катрин или Дейзи?» – конечно, я ответил что Катрин. Дейзи была хорошей подругой Кэт и вскоре стала и для меня очень близкой, потому я и проводил с ней достаточно много времени. Вообще, изначально она меня сильно раздражала, ведь не давала побыть наедине с Катрин, однако, это и стало толчком в нашей с Дейзи дружбе.

– Прости, что перебиваю, но ты начинаешь отходить от темы.

– О, точно... Извини.

– Так, в общем, мы с Кэт общались хорошо, я даже пару раз пытался ей признаться, отводил в уединенное место,

несколько минут молча смотрел то на нее, то вокруг, а потом говорил, что это не так важно и она может идти. Короче, у меня никогда не хватало смелости сказать все, как есть.

– И что тогда произошло? Ты в итоге признался ей или нет?

– Ну... Не совсем. Мы с классом тогда шли на какое-то представление. Она подошла ко мне и спросила: «Тебе нравится кто-нибудь из класса?» – я ухмыльнулся, наивно полагая, что Кэт не может знать о том, что именно она мне нравится. Ответив свое «да», она спросила: «Это я?» – сложно описать, что я тогда чувствовал. Я был в шоке, не знал, что мне делать и как ответить. Понимая, что если скажу «нет», то обязательно будут проблемы, я осознал, что выбор не велик. Признавшись, что она мне нравится, она ответила: «Ладно» – одно гребанное «ладно»! Я был готов разорваться от того, сколько эмоций сейчас испытываю, а она ответила так просто! В тот день мы с ней больше не разговаривали...

Я заметил, как Эбигейл сдерживает смех.

– Эй! Неужели это так смешно?

– Прости, прости... Я не хотела тебя обидеть.

– Нет, я не обижаюсь. Даже наоборот, я рад, что тебе весело.

Это так странно... Почему мне так хорошо, когда я вижу смеющуюся Эбигейл? Почему мне хочется, чтобы она была такой всегда? Я ведь столько всего забыл... На что похоже это чувство? Я... Я не могу вспомнить. Я должен понять что

это. Хотя, думаю, я и так знаю... Услышав мои слова, Эбигейл сразу перестала смеяться, будто ей совершенно не понравился ответ:

– Давай продолжим. Что было после этого случая?

– Ну, мы начали встречаться.

– Так сразу?

– Нет... Прошло некоторое время, может пару дней, не могу точно сказать. В общем, я попросил ее поговорить после уроков, она согласилась. Все никак не могу вспомнить, что именно я ей говорил, наверное, я испытывал тогда сильный стресс... В конце концов, предложив ей встречаться, она улыбнулась и кивнула. Да-уж... Не описать, как я был тогда счастлив.

Что-то внутри меня будто защемило. Больно было это вспоминать, хоть воспоминание хорошее. Похоже, между нами произошло что-то очень неприятное...

– Значит, у вас все было хорошо, так?

– Верно.

– Тогда, что за проблемы с Болдуином?

– А, точно... Где-то к концу учебного года я поцеловал Катрин в щеку. Как выяснилось, она нравилась Болдуину. Знаешь что забавно? В младшей школе именно он нравился Кэт. Она постоянно была рядом с ним, хотела, чтобы он обратил на нее внимание и так далее. Потом, появился я и дал ей все, чего она желала, вот мы и сошлись. Узнав о поцелуе, Болдуин хотел драки, однако, я смог избежать ее, но страшно

представить, насколько он меня возненавидел после этого.

– Вот как. Получается, силу он так и не смог применить.

– Ага. Знаешь, если честно, я чувствовал себя победителем. Я понимал, как сильно он хочет меня уничтожить, и был рад этому. Чувство превосходства полностью меня поглотило. Хотя, я не стал по-другому относиться к остальным, поэтому не считаю что это плохо.

– Значит, ты так думаешь... Хорошо. Что же, на этом с пятым классом мы закончили, или есть еще что-то?

– Насколько я помню, это все самое важное.

– Тогда идем дальше... Шестой класс. Что можешь сказать? – я задумался, а потом усмехнулся.

– Отец наконец-то умер, – я сказал это с таким самодовольством и злорадством, что сам удивился.

– Ты был рад этому?

– По правде, да. Наконец можно было жить нормально, не опасаясь, что приходя домой меня избыют.

– Ага... Думаю, тебя можно понять. Как он умер?

– Свалился с моста пьяным.

– Как изменилась твоя жизнь, кроме того, что ты больше не боялся побоев?

– Ну, не как, в принципе. Мать как не обращала на меня особого внимания, так и не начала обращать. Нам всегда присылала деньги бабушка, мама прятала их от отца, тратила на свои нужды и давала мне. Удивительно, что при ее от-

ношение, она вообще хоть что-то давала.

– Думаю, это не мое дело, но... Ты уверен, что ты был ей абсолютно безразличен?

– Да, я уже достаточно вспомнил, чтобы так полагать.

– Даже если так, ты же не можешь точно знать, что происходит у нее в голове.

– Ты права, однако, вряд-ли я был ей дорог.

– Это лишь мое мнение, но, возможно, ей было стыдно за свое поведение перед тобой. Сколько денег она тебе давала?

– Достаточно много для школьника... Не могу сказать точную цифру, но мне более чем хватало, на одежду, еду, развлечения и так далее.

– Ты не думал, что она пытается так загладить свою вину? Конечно, это больше похоже на то, что она хотела откупиться от тебя, но тогда она бы не давала столько денег, как думаешь?

– Не знаю... Может ты и права, но... – я задумался. Слова Эбигейл будто перевернули мое представление о мире, в котором я жил все время, она ведь вполне может быть права...

– Ладно, оставлю это как пищу для ума. Потом поразмыслишь.

– Хорошо... Теперь дальше, так?

– Ага.

– Второе событие, которое абсолютно изменило мою жизнь связано с учебой. Отучившись месяц в старом коллек-

тиве, я перевелся в другую школу, которая была куда ближе предыдущей.

– И что ты чувствовал? Как тебя приняли?

– Ну, уход мой, мягко говоря, был не очень. Знаешь, это была типа крутая гимназия, и обучение там было платное, хотя на деле, там ничего особого и не было. Как мне кажется, я гораздо большему научился в обычной школе, но пока что не могу сказать точно. Короче, родители давно размышляли, стоит меня переводить или нет. Мать как-то спросила, не против-ли я: «Это конечно обидно, но я уверен, что продолжу общаться со своими друзьями, так что ничего страшного», – примерно так я ответил. Я думал, что уйду спокойно, но все оказалось немного не так, как мне представлялось. Так как уход был запланированным, мама не заплатила вовремя за учебу. Ха-х... В тот день у нас была контрольная, в класс зашла завуч, и сказала мне выходить с вещами. Учительница возразила, ведь был тест, и попросила разобраться после урока. Однако меня все равно вытащили и сказали идти домой, ведь мы должны школе. Я был в безвыходном положении, потому зашагал к гардеробу. Понимая, что я уже никогда не вернусь сюда учеником, понимая, что я даже не попрощался с друзьями, понимая, что меня выкинули как ненужного щенка, я заплакал. Совершенно не хотелось, чтобы меня кто-то видел в таком виде, и я ускорил шаг. Как назло, за поворотом меня встретил директор: «Почему ты не на уроке?» – я не мог ничего сказать, кроме правды, что у

меня задолженность и меня вышвырнули. Стараясь не выдавать своего состояния, я с трудом выговорил слова, чуть не разрыдавшись перед ним. Забрав вещи, я вышел из школы, перестав быть ее частью.

Даже не знаю, почему я так отреагировал... Думаю, если бы мне дали уйти нормально, я бы ни слезы не проронил. В любом случае, я успокоился и вернулся домой. После этого, какое-то время я не учился, пока меня устраивали куда-нибудь. Изначально я должен был поступить в ту же школу, где училась Маргарет, что не могло не радовать, но, как всегда все пошло не по плану. Нам сказали, что все места заняты, и они просто не могут принять меня. Было... Обидно. Даже очень.

Тогда, мы нашли еще одну школу, в которую я и поступил. Впервые придя туда, не на уроки, а просто осмотреться, познакомиться, я удивлялся ее размерам. Она была куда больше предыдущей, хотя на деле, была вполне обычной. В тот день я и одноклассников встретил, парней, они стояли около кабинета и что-то обсуждали. Меня подвели к ним и представили. Мы пожали друг другу руки, все было хорошо, но почему-то я совершенно не помню их лиц. Абсолютно. Странно, но как-то так. Даже когда был первый учебный день, я подошел к нашему кабинету, и один парень окликнул меня. Я совершенно не мог его вспомнить, но было ясно, что он меня запомнил.

В целом, меня приняли хорошо. Я очень боялся, что не

смогу ни с кем сдружиться, что буду разные проблемы, но, к счастью, этого не произошло. Сначала я был довольно скованным и застенчивым, пытался понять, кто есть кто и все такое. Со временем я влился и был уже полноценным членом класса, со многими подружился и начал хорошо общаться. Насчет учителей, теперь я точно вспомнил, что у нас было несколько просто великолепных. Наша классная руководительница была самой молодой учительницей, и на ее уроках всегда было интересно, хотя, как по мне, временами она слишком мягкая. Ее мама тоже была преподавателем, и, наверное, идеальной во всех смыслах, с ней наш класс был особенно близок, можно сказать, мы были друзьями. Ну, и большая часть остальных учителей тоже была хорошей: математика, английский, информатика, физкультура... Многие мне нравились, и с большинством у нас были не плохие отношения.

– Это хорошо, что твой новый класс был таким дружным.

– Да... Но знаешь, на самом деле, я общался только с частью ребят. Можно сказать, мы были разделены на две группы, по крайней мере, парни. У одних увлечения были крайне сомнительные, да и характер у некоторых, мягко говоря, не очень. У других, соответственно, был другой склад ума. Я относился ко вторым, хотя по началу, первую пару дней был с первыми. Конечно, были и те, которые общались со всеми. Из-за этого разделения мне было немного грустно, ведь раньше весь класс был дружным, а сейчас все поменялось.

Но, изменить я ничего не мог, потому старался не париться из-за этого.

– Хорошо, можешь еще что-то рассказать, что произошло в том году?

– Вроде нет, это было самое важное.

– Так, а летом, перед седьмым классом что-то было?

– Летом... Не помню, если честно. Ч-что? – коснувшись щеки, я ощутил что-то влажное. – Почему я плачу? Что со мной произошло, Эбигейл?

– Ты вправду не можешь вспомнить?

– Нет...

– Что же... Ты бросил Катрин.

– Что? Я... Катрин...

– Да, – в голове мелькали воспоминания, я помню, как сложно мне было это сделать, но я не мог иначе, ведь считал, что остыл к ней и нужно быть честным. – У нее незадолго до этого был день рождения, на который ты отказался идти.

– Да, я помню... Я позвонил и сказал всю правду, извинился... Если-бы ты слышала ее тогда... Она сказала лишь свое «ладно» и сбросила. Катрин старалась сдерживать эмоции, но голос ее так дрожал, что сердце кровью обливалось. Она все еще была мне дорога, но из-за того, что мы вообще не виделись, я принял такое решение... Господи, какой я урод... Когда мы закончили, у меня дрожали руки и ноги, я был опустошен...

– Ты ведь не думаешь, что все так просто? Было кое-что еще.

– Еще?

– Мар-га-рет, – протянула Эбигейл.

От воспоминаний о Катрин мне становилось не по себе, но одно имя подруги помогло мне вспомнить все, что я натворил... Презрение и отчаяние переполнили меня в одно мгновение. Взглянув на ладонь, было видно, как она дрожит. Сглотнув, я начал:

– Прошло около месяца, как мы с Кэт расстались. Мне чего-то не хватало... Не знаю, как это назвать... Тупо звучит, но это что-то вроде «остаточной» любви, что-ли. Когда после потери человека, который тебе дорог, переключаешься на другого, чтобы успокоиться, хоть и не испытываешь к нему чувств. Короче, на этой волне я предложил Маргарет встречаться. Сначала она сказала, что не хочет, но прошло пару дней, и она поняла, что я ей нравлюсь. Я был очень рад, но... Твою мать... – я закрыл лицо руками. – Я просто... Я позвал ее гулять, а через пол часа написал, что заигрался... Осознал, что хоть и люблю ее, но как сестру, а не девушку... Мне... Мне было так хреново... Просто... Я ощущал себя такой тварью, презирал себя, ведь я сделал ей больно, позволил приблизиться и оттолкнул. Пф-ф-ф... Знаешь, думаю, мне куда сложнее переносить те моменты, когда я кому-то причиняю боль, чем когда ее причиняют мне. Это гораздо хуже... Ведь ты своими руками разрушаешь чьи-то мечты,

надежды, мысли и желания. Когда это делают с тобой, ты не винишь себя в страданиях других, и это гораздо легче...

– Я понимаю, о чем ты говоришь... Ладно, вы общались после этого?

– Ну, мы очень долго не переписывались... Даже не помню, когда мы опять начали общаться. Если вообще начали...

– Я вижу, тебе тяжело об этом вспоминать... Давай двигаться дальше, все равно на этом мы уже закончили.

– Хорошо, но... Можешь принести еще воды, пожалуйста.

– Конечно.

Когда Эбигейл вышла из палаты, я подошел к окну. Странно... Вроде, уже достаточно много времени прошло, но такое ощущение, что до сих пор утро. Почему мне кажется, что здесь все как-то не так? Ладно... Наверное, это последствия амнезии. Выпив стакан воды, я сел на кровать.

– Дальше седьмой класс. Что скажешь?

– Ну, к тому времени у меня уже появился лучший друг гитарист – Алекс. Мы очень хорошо общались, постоянно были вместе и все такое. К началу учебного года я уже полностью отошел от историй с Кэт и Маргарет. Вроде, особо ничего и не происходило даже...

– Вот как... Значит, что ты ощутил ближе к новому году ты не помнишь?

– Новый год? Ну... А, помню, что мы с Алексом сидели у него дома и очень долго обсуждали что-то, чуть-ли не до

ночи.

– И что же это?

– Я... Я не помню.

– Как ты думаешь, может быть такое, что кому-то нравятся какие-то звуки, и если они присутствуют в имени, то он будет подсознательно относиться к этому человеку лучше? По крайней мере, пока не познакомится ближе.

– Что?

– Просто ответь, что ты об этом думаешь?

– Ну, возможно что-то подобное может существовать... Я не знаю.

– Тебе нравится имя Кристин?

– Кристин? Думаю, да. Звучит красиво... Стой. Кристин...

– Вспомнил?

– Ха-х... Да. Забавно, – Не знаю почему, но эти воспоминания умиляли меня, хоть и счастливыми назвать их вряд-ли получится. Может, я еще что-то вспомню, и тогда пойму...

– Расскажешь мне?

– Конечно.

– Тогда я понял, что она мне нравится и рассказал об этом Алексу. Чего он только не наговорил, надавал разных советов и все такое. Сейчас бы в тринадцать лет наставления по отношениям раздавать... В общем, у меня было что-то вроде плана. Сначала сблизиться с ней, потом признаться. Ге-

ниально. В то время, на уроках математики, нам не давали сидеть с кем мы хотим, и, мне очень повезло, потому-что нас посадили вместе. Я был рад, что смогу проводить с ней больше времени... Знаешь, это, наверное, прозвучит как-то странно, но иногда, когда мы вместе решали примеры, я ощущал некую связь, будто мы на одной волне или вроде того. Такое необычное чувство...

– Так значит, тебе удалось стать с ней ближе?

– Да-а... Но этого было не достаточно. Мне было немного сложно с ней общаться, я был стеснительным и нерешительным, наверное. У нас особо не было тем для обсуждений, но я пытался выкрутиться, как мог. Думаю, будь у меня больше уверенности в себе, все было бы проще... В любом случае, прошло месяца три и я решил признаться ей, однако, за несколько дней до даты, которую я выбрал, узнал что она встречается с другим. И самое ужасное то, что никто мне это не говорил, я сам все видел. Она... целовалась с ним. Мне было так больно... Я просто был в ярости. Придя домой, я начал избивать стену. У меня уже шла кровь, но я продолжал со всей силы долбить по этой чертовой стене, несмотря на боль...

– Прости, что перебиваю. Можешь показать тыльную сторону ладоней?

– Ладно... – протянув руки, Эбигейл положила палец на казанок.

– Посмотри внимательнее. На них кожа немного краснее.

- Ты права... Хочешь сказать, это вроде шрамов?
- Верно. Они как раз у тебя с того случая.
- Да уж...

– В любом случае, после этого я решил оставить свои попытки. Со временем я стал проще к ней относиться, но под конец года Кристин рассталась со своим парнем. Не могу сказать, что это не подогрело мой интерес к ней, но я совершенно не знал, как мне поступить, и, в итоге, не сделал ничего. Прошло целое лето, я считал, что уже все чувства ушли, но увидев ее спустя долгое время, зажегся будто спичка. Четко для себя решив, что хочу быть с Кристин, я признался. Она мягко отвергла меня, даже очень мягко. Было неприятно осознавать, что она не хочет быть со мной, но я не отчаялся. Думаю, из-за того, что с Катрин и Маргарет у меня все получилось достаточно просто, я считал, что и сейчас справлюсь, если приложу достаточно усилий. Каким я был наивным...

После признания мы стали меньше общаться, но все же, она не отказывалась от разговоров. Помню, что когда Кристин болела, я всегда спрашивал, как она. Интересно, ей было хоть немного приятно, что я за нее волновался?.. Короче, до самого нового года я, так или иначе, пытался улучшить наши отношения, ну а потом решил еще раз попробовать поговорить с ней. Купил мишку в подарок и вот, последний школьный день перед новогодними каникулами, а

она не пришла в школу! Серьёзно, я был так зол! Пришлось отложить мой план на некоторое время. По итогу, когда каникулы прошли, мне удалось остаться с ней наедине. Сказав что чувствую, я отдал подарок и даже решился поцеловать. Приблизившись, она немного отошла назад и уперлась в стену. Если-бы я не остановился, то успел бы коснуться ее, однако, решил этого не делать. Все, чего мне хотелось, чтобы она была счастлива, и если со мной это не возможно, то я смерюсь и отпущу. Кристин было-бы неприятно, если-бы я поцеловал ее, и я поставил ее желания превыше своих. После этого, я с улыбкой протянул ей руку в знак того, что мы останемся просто друзьями, и после этого никак не проявлял свои чувства, со временем они начали потихоньку гаснуть. Так и закончилась наша с Кристин любовная история.

– Получается, в итоге вы остались просто друзьями?

– Верно, я отпустил ее со спокойным сердцем.

– Что же, думаю, это хорошо.

– И так, давай дальше.

– Ага. Я вспомнил, что после «прощания» с Кристин начал петь.

– Вот значит как...

– Да. Меня всегда это привлекало, насколько понимаю, но в тот момент я понял, что хочу заниматься этим всерьёз. Это забавно, но толчком для меня стала мысль, что мне хочется показать Кристин, кого она потеряла. Я начал ходить на

вокал, изначально, из некоей ненависти, что-ли. Но эта злоба быстро прошла, и я продолжил этим заниматься, потому-что мне нравилось. А еще, теперь у нас с Алексом появилась общая мечта – создать свою группу.

– Думаю, с того момента прошло около двух месяцев, и тогда... Ага... Точно... – воспоминания вновь дали мне пощёчину, от которой лицо нестерпимо горело.

– Вспомнил еще что-то, да?

– Да-а-а... Слушай, а я верил в карму? Просто не припомню такого.

– Нет, ни в судьбу, ни в карму. Ты считал, что нет каких-то сил, которые решают за людей, как им жить. По крайней мере, так было, когда мы познакомились.

– Вот как... Ха-х... Просто после историй с Кэт и Маргарет выглядит именно так... Ну, ладно. Как я и сказал, прошло около двух месяцев и, я опять вернулся к тому, с чего начал...

– Хочешь сказать, что вновь влюбился?

– Ага... Хотя, теперь моё изначальное положение не было таким безнадежным. Мы с Чихару не плохо и до этого общались, но теперь я стал еще больше проводить времени с ней. Мне и в этот раз повезло, даже больше чем раньше. Ее лучшая подруга, тоже наша одноклассница, чем-то заболела, и уехала лечиться, потому, мы могли проводить много времени вдвоем. Думаю, все было не так уж и плохо... Друзья мы

были не плохие, но я видел, как она ведет себя с Алексом. Их отношения тоже не выходили за рамки дружбы, но временами она относилась к нему так, как не относилась ни к кому. Сама по себе она достаточно общительная, но все же, с Алексом у нее было особое поведение... Я старался об этом не думать, а просто делать то, что должен.

– Прошло чуть больше месяца, и я решил признаться ей. Мне не хотелось терять много времени впустую, как это было с Кристин, поэтому я и рассказал ей о чувствах рановато. К сожалению, она мне отказала. Думаю, я любил ее меньше чем Кристин, это как раз и была та «остаточная» любовь, потому, я бы погрузил недельку другую и успокоился, если бы не одно «но». Она говорила, что совершенно не хочет сейчас отношений, вообще ни с кем. Опять же, если бы не то, что произошло потом, мне было без разницы, однако, такое я просто не мог выдержать...

– И что же произошло?

– Через день после моего признания, она предложила встречаться Алексу.

– Вот как...

– Он тогда позвонил мне, сказал, что произошло нечто невозможное, или что-то вроде этого... Сразу промелькнула мысль, про Чихару, и он подтвердил ее. Алекс спросил, что я собираюсь делать. Немного подумав, я решил все же попробовать добиться хоть чего-то. Как глупо... Несколько раз я

пытался с ней поговорить. Знаешь, самое удивительное, что она продолжала убеждать меня, что ей никто не нравится, в том числе и Алекс. После этого я отстал от нее, поняв, что это безнадежно. Наверное, дня три я совершенно с ней не говорил, но она написала мне, чтобы я не доставал ее, и вообще у нее парень есть. Даже сейчас не могу понять, о чем она вообще думала, неужели она считала, что Алекс мне ничего не скажет, хоть мы и лучшие друзья? Странная она...

В любом случае, все более или менее успокоилось, чувства прошли и все такое... Ах, да! Чихару с Алексом все же начали встречаться, но уже летом. Я был не против, и меня это не задевало. Знаешь, забавно то, что в итоге она его бросила, а потом, где-то через полгода, извинилась, сказала, что была не права, и вновь предложила встречаться, но он отказал ей. Ха-х... Не могу не признать, что мне было это приятно. Я, правда, был рад ее страданиям, тому, что ей причинили боль. Даже не знаю, с чем это связано... Может потому, что я считал ее лицемеркой, которая не может сказать все напрямую? Возможно... В любом случае, в отличие от Кристин, к Чихару я стал относиться гораздо хуже.

– Интересно... Погоди, раз ты говоришь об этом, значит ты вспомнил девятый класс?

– Да... Ну, не совсем... Только то, что связано с Чихару.

– Хорошо, тогда давай начнем с того, как начался следующий учебный год.

– Ну, в целом, ничего особо и не происходило... Разве что, я начал слишком сильно скучать по друзьям из прошлой школы, с которыми уже давно не общался. Я и раньше вспоминал о них, особенно в первое время, когда перевелся, но тогда понял, что не хочу терять с ними связь. Я немного волновался, когда написал Реймонду, но он был очень рад, что я не забыл про него и остальных. Вскоре, я приехал навестить их. Да-уж... Это было так весело... Даже спустя долгое время что мы не общались, мы остались хорошими друзьями. После этого, я достаточно часто приезжал в старую школу, с Реем и Дейзи мы гуляли чуть-ли не до темноты, и постоянно переписывались.

– Значит, ты смог воссоединиться со своими друзьями?

– Верно, однако... Я тебе не сказал, но меня постоянно грызло чувство вины из-за того, как я поступил с Маргарет и Катрин, теперь, это чувство усилилось. По крайней мере, в отношении Кэт. Я постоянно о ней думал, не зная, что делать. Мне было интересно, что с ней происходило все то время, пока мы не общались. Реймонд рассказал, что Кэт с Болдуином все-таки начали встречаться через некоторое время, однако, отношения их были не очень. Он был слишком эгоистичен и высокомерен. Когда ему захотелось поцеловать ее, но Катрин отказалась, он начал говорить, что Кэт не достойна его и бросил. Где-то через полгода Болдуин сказал, что готов дать ей второй шанс, но, получил отказ. Тогда он начал оскорблять ее и распускать разные слухи.

Когда я слушал это, то был так зол, что мне хотелось смешать этого придурка с грязью. Я и раньше был не высокого мнения о нем, но с того момента возненавидел так сильно, что меня начинало трясти, когда о нем вспоминал.

– В конце концов, все мысли и разговоры о Катрин привели меня к тому, что желание поговорить с ней было не побороть. Я решил написать и извиниться. Было страшно, даже очень. Я совершенно не знал, что мне от нее ожидать. Когда она ответила, и у нас завязался диалог, было видно, что она относится ко мне с осторожностью, не удивительно... Но после извинений, она немного смягчилась, и чувство вины, спустя столько времени, начало покидать меня.

После этого, на удивление, мы начали очень хорошо общаться, вместе ездили в старую школу, так как она тоже перевелась, и теперь гуляли вчетвером. Ха-х... Я... Я понял что опять в нее влюбился. Еще сильнее, чем в первый раз. Намного сильнее. Перед сном она занимала все мои мысли, и хотелось просто быть рядом, не смотря ни на что. И знаешь, на все мои небольшие попытки с ней флиртовать она отвечала... Положительно. Не то чтобы я часто говорил ей комплименты или что-то милое, но она всегда была этому рада. В общем, все шло к тому, что я должен был рассказать ей о своих чувствах. Так я и сделал. Позвонил ей, и сказал, как сильно люблю ее, что в этот раз все серьёзно, мы больше не дети, и я не совершу вновь ошибку. Она ответила, что поду-

мает. Мда-а... Раз так говорят, значит все кончено... Молчание продолжалось несколько дней. Устав ждать, я написал ей длинное сообщение, в котором говорил о том, что любое ее решение я приму, но если я ей не нравлюсь, то не стану за ней бегать, что «я готов сделать тысячу шагов к тебе на встречу, но ни одного вдогонку». Ха-ха-х... Я был таким придурком... Ладно, не важно. Ответ ее был таким: «Я долго размышляла над твоими словами, и мне приятно, что ты так ко мне относишься, мне нравится с тобой дружить, но если честно, я не уверена в своих романтических чувствах. По крайней мере, не думаю, что что-то получится в настоящее время». Это... было ужасно. Просто невыносимо...

Я молча смотрел на пол, похоже, Эбигейл даже начала волноваться за меня:

– Ты в порядке, Джаспер? – сделав глубокий вдох, я с трудом поднял голову.

– Да... Я в порядке. Просто знаешь, каждое воспоминание все сильнее и сильнее ранит меня. Это так... Тяжело. Если честно, даже не хочется вспоминать, что было дальше.

– Я понимаю, понимаю... Но, ты должен. Я в тебя верю.

– Веришь в меня? Ха-х... Ладно, ради тебя, так уж и быть, – еще раз вздохнув, я продолжил. – Ну, с горем пополам, я это пережил. С Катрин после этого я совсем перестал общаться и вскоре не вспоминал о ней. Хотя, было-бы все так просто... Прошло три месяца, все было в порядке,

я вновь жил без всяких любовных проблем, не трепал себе нервы и не тратил время на ту, что все равно меня отвергнет. Однако, у моего гребанного сердца были другие планы... Спустя эти три месяца, в один момент, меня будто переклинило, и я невольно начал вспоминать о Кэт. Я не хотел этого, но мысли о ней, будто лезвия, истязали меня. Резко я вспомнил, как сильно люблю ее и как она мне дорога.

– Как-то мы гуляли с Рэймондом, и он попросил мой телефон, чтобы почитать нашу с Катрин переписку. Я рассказал о своих вновь вспыхнувших чувствах ему с Дейзи, поэтому, он должен был знать, что делает...

– Что же он такое сделал?

– Он написал ей «привет». Я был так зол. Даже не знаю почему. Мы не общались с Катрин целых три месяца, и тут, неожиданно, он пишет ей от моего лица. Я был готов придушить его в тот момент. Кроме того, она практически сразу ответила, и я просто не успел удалить сообщение. Опять же, на удивление, она отреагировала нормально, и, поборов смущение и страх, я вновь начал с ней общаться. В этот раз я хотел, во что бы то ни стало, достигнуть своей цели, и потратил на это куда больше времени, чем раньше. Знаешь, после того сообщения от Реймонда мы с Кэт начали общаться еще лучше. Я бы даже сказал, намного лучше, и чаще. Видеться мы тоже стали больше, иногда она и сама звала меня гулять вдвоем, хотя в основном, это делал я. В общем, все

шло слишком хорошо.

– В один день, когда мы опять были наедине, я решил еще раз сказать ей о своих чувствах, но меня так сильно переполнял страх, что все никак не мог решиться. Тогда, я спросил: «Как бы ты поступила, если-бы очень хотела что-то сделать, но боялась этого?». Ее ответ будто перевернул мое сознание, как-бы прост он не был: «Если ничего не делать, то ничего не измениться, а хочешь ли ты этого?». Казалось бы, всем понятная и очевидная истина, но, почему-то люди постоянно забывают об этом. Услышав эти слова, я потянулся к ней и поцеловал в щеку. Сердце колотилось как бешенное, будто хочет уничтожить меня. В голове было столько мыслей, которые смешались в непонятную мне кучу, что я уже ничего не понимал. Однако, Катрин не возражала. Я был настолько поражен, что даже не мог в полной мере этому нарадоваться. Все с тем же страхом я взял ее за руку, но и в этот раз она ничего мне не сказала. От этого я просто был в шоке, ведь она не отвергла мои чувства, она дала мне то, что я так долго пытался найти. Я... Наконец почувствовал себя счастливым.

Эбигейл мило улыбнулась: «Я рада, что это воспоминание подымает тебе настроение. Мне хочется, чтобы ты почувствовал счастье...» – эта фраза была абсолютно дружелюбной, но звучала так, будто это единственный момент в прошлом, который может заставить меня радоваться.

– Так значит, вы начали встречаться после этого?

– Не совсем... В тот же день, когда мы уже были дома, я честно сказал, что хочу поцеловать ее в губы, и спросил, не считает ли она это слишком быстрым, хотя и сам понимал, что это так. Она сказала, что еще не готова к этому, я не стал возражать. Встречаться я ей так и не предложил, но после того случая мы постоянно гуляли за руку, и я стал очень часто целовать ее в щеку, хотя, не смотря на то, что она была этому только рада, продолжал бояться этого. Похоже, у меня уже выработались какие-то тупые рефлексы... В общем, так-как Дейзи и Рэймонд видели, как мы себя ведем, они понимали, что мы встречаемся, так-же полагал и Алекс, которому я все рассказывал. Да и я сам был уверен в этом, хоть официального договора у нас и не было.

Она даже ко мне домой приходила... Катрин как-то сказала, что хочет научиться играть на гитаре. Тогда у меня возник план в голове. Я спросил, может-ли Алекс научить Кэт, он был не против. Через несколько дней мы собрались втроем у меня и начали играть. Хоть раньше Катрин никогда не держала гитару, у нее очень хорошо получалось. Алекс показал ей пару разных упражнений и аккордов, и вскоре, мы даже смогли все вместе сыграть одну песню. Это было так весело... Звук их гитар и моего голоса соединились в одну целую мелодию, приятную уху. Когда Кэт уходила, то сказала, что ей понравилось, и она была бы рада повторить.

Хотя, было то, что немного меня смущало. Иногда она го-

ворила о парне, который учиться в ее школе. Она познакомилась с ним на каком-то мероприятии, и хотела-бы узнать его лучше. У Катрин всегда были небольшие проблемы в общении с малознакомыми людьми, о чем она и сама говорила, потому, я хотел помочь ей, как мог. Признаться честно, в глубине души я немного ревновал, но подавлял это чувство, так как считаю его абсолютно бессмысленным. По крайней мере, пока на это нет очевидных причин, а желание завести себе друга, как по мне, таковой не является. К тому же, если-бы я был на ее месте, меня бы раздражала эта ревность, ведь я люблю только ее. Потому, я и старался не обращать внимания на свой загон.

– Знаешь, если не считать этого, то все было просто идея...

Я замер. Вспомнив все, что со мной произошло вскоре, я просто... Не мог поверить в это. Медленно встав с кровати, я подошел к стене и со всей силы ударил по ней кулаком, издавая при этом пронзительный крик, потом ударил еще, еще, и еще, еще раз, и снова... «Джаспер! Хватит, прекрати это!» – Эбигейл пыталась меня как-то успокоить, но у нее ничего не получалось, я продолжал колотить по стене, как безумный, не обращая внимания на боль. Странно, что никто из врачей даже не пришел, хоть и орал я как бешеный. Немного остыв, я упал на колени и заплакал: «Почему... Почему... За что... Эбигейл... За что?! – Эбигейл села рядом и положила руку

мне на голову. – Я не могу тебе дать ответ... Прости... Но прошу, не убивайся. Тебе больно. Очень больно. Я знаю это, но ты не должен ломаться. Еще не время...». Хотя и последняя фраза Эбигейл была странной, я не обратил на это никакого внимания.

Еще около десяти минут я просидел у стены, громко дыша и утирая слезы. Эби принесла мне еще воды, чтобы я быстрее успокоился. Это немного помогло мне. Оперевшись спиной на стену, я приглушенным голосом продолжил: «Да... Слишком идеально... Как я мог забыть, кто я такой... Разве у меня может что-то получаться... Ха-х... Короче, как-то раз мы гуляли, прошло около трех месяцев, или двух... Не важно... Прошло достаточно времени с того разговора про поцелуй. Катрин достаточно часто поднимала эту тему, но ничего не говорила напрямую. В итоге, я попытался поцеловать её, но она не дала этого сделать. Я совершенно не мог понять ее, ведь она вела себя так, будто действительно этого хотела, и она часто намекала на это, так что мне не могло показаться. Даже Рэймонд с Дейзи сказали, что скорее всего, мне не кажется. После этого мы погуляли около получаса, она выглядела такой злой, будто я полмира уничтожил. Такое отношение и меня заставило начать злиться, хотя, я скорее винил во всем себя, а не ее.

– На следующий день я решил извиниться и поговорить. Однако, в итоге, она сказала, что не хочет встречаться со

мною, и ей нравится другой, тот самый парень, о котором она говорила. Уже тогда я охренел как никогда в жизни, но это была лишь верхушка долбанного айсберга тупости. Она начала говорить, что я для нее очень близкий друг и очень ей важен, поэтому она позволяла мне вести себя так с ней, потому-что хотела сделать мне хоть немного лучше. Хоть. НЕМНОГО. ЛУЧШЕ. Она серьёзно такая тупая? Я всегда считал ее достаточно умной, но на деле, она вообще ни хрена не понимает, ни в людях, ни в их чувствах. Для нее отношения, это долбаный устный договор, а не поступки, действия и слова. И знаешь что? Она хотела со мной общаться после всего этого. Я сразу сказал, что не смогу относиться к ней как раньше, потом ей вечно не нравилось то, что я стал хуже с ней общаться. Действительно, я же должен был на руках ее носить! Я чувствовал себя так, будто мне дали лекарство от ран, что так сильно меня мучают, а это оказалась соль. Я мог вообще с ней не разговаривать после такого, и если-бы не моя любовь к ней, я бы так и поступил, но она хотела быть моим другом, и я откинул всю гордость и принципы, дав ей то, что она желала. Но, из-за своего пронизательного ума, она не понимала, как сложно мне поддерживать даже такие отношения, и из-за этого все больше и больше обвиняла меня в том, что я все разрушил, все наши отношения. Просто. АХРИНЕННО! Она постоянно давила на меня. Вновь и вновь. И в итоге, все привело к логическому финалу. Она так меня задолбала, что я начал ненавидеть и презирать ее.

Я дал себе волю выплеснуть наружу все, что о ней думал, и я рад. Рад, что понял, насколько она конченная.

Я понимал, что, возможно, говорю о Катрин слишком резко. Но, вспоминая, как я проплакал из-за нее полночи, думаю, что могу позволить себе такое. В любом случае, я совершенно не хотел больше о ней вспоминать.

Посидев пару минут в полной тишине, Эбигейл продолжила:

– Тебе стало лучше, после того как ты высказался?

– Да...

– Это хорошо... Ладно, думаю, можем двигаться дальше... Ты помнишь, было у тебя с Маргарет тем летом что-нибудь?

– Маргарет... А, да... Я уже говорил, но я постоянно чувствовал перед ней вину. За тот случай, когда предложил ей встречаться, а потом передумал, за то, что не пишу ей, избегаю ее и все такое. Возможно, если-бы я тогда не совершил ошибку, все было в порядке, но из-за этого мне просто было стыдно перед ней...

– И что же ты тогда сделал?

– Я... Решил извиниться и написал ей. Я обещал не поступать с ней так больше, я думал, что теперь мы, наконец, вновь начнем нормально общаться, но она написала, что совсем скоро переезжает в другой город и это сильно ударило

по мне. В очередной раз, все мои желания и планы рассыпались. Все-же, мы смогли перед этим погулять и... Это было весело. Правда, я очень рад, что смог увидеть ее спустя столь большое время. К сожалению, мы больше так и не увиделись, хоть у нас и была возможность. И опять, я винил в этом себя. Я был расстроен, что она уедет, и потому, мне было немного не просто с ней общаться, хоть и хотел этого. Да-уж... Я странный... Получилось так, что я не сдержал свое обещание, из-за этого я вновь чувствовал стыд перед ней, и так и не смог написать хоть что-то, когда она уехала...

– Это ты тоже вспомнил, значит... Осталось совсем немного. Последние воспоминания, которые можно найти в твоей памяти.

Глава 3. Граница воспоминаний.

– И так, прежде чем начать, расскажи мне немного, что происходило с Реймондом, когда начался этот учебный год.

– Ну... Ладно. Что с ним происходило? Ничего особенного, я думаю... Разве что, у него была проблема, похожая на мою – неразделенная любовь с одноклассницей, Линой. Хотя, он с самого девятого класса пытался ее добиться, но ничего не получалось. Так же, он не мог оставить свои попытки, хоть и не раз говорил мне, как сильно страдает и не хочет ее любить. Мне было жалко его, если честно, но, как ни крути, он сам выбрал такую жизнь.

– Вот как. Хорошо... Тогда... Ты помнишь, как прошла переключка твоего класса?

– М-м-м... Нет? Если честно, чем ближе мы к концу, тем сложнее вспоминать, даже не знаю почему.

– Ну, я здесь как раз, чтобы помочь тебе. В тот день ты впервые встретил меня. Я была новенькой у вас.

– Впервые встретил... А! Точно! Вспомнил! Я ведь тогда еще...

Я замялся. Все же, мне действительно нравится Эбигейл. Даже больше, можно сказать, что я люблю ее. Ведь я почти все вспомнил, поэтому понимаю, какой человек, какие у меня взгляды на жизнь и так далее. До того дня, мне казалось, что невозможно влюбиться с первого взгляда, однако, она

стала той, кто смог изменить мое мнение. Ни чем не примечательная девушка с виду, с короткими рыжеватыми волосами, в черных джинсах и зеленом худи. В руках она держала телефон, а на шее ее висели наушники. Не знаю, что меня так сильно привлекло в ней, у нее не было какой-то броской внешности, вроде ярких волос, она даже слова не проронила, пока учитель что-то рассказывал, но лишь увидев ее, я уже не мог отвести глаз. Что на меня тогда нашло? Я... Я не знаю.

– Полагаю, ты вспомнил, что влюбился в меня с первого взгляда.

– Что?

– Я ведь уже говорила, что знаю абсолютно все о твоей жизни, даже о твоих мыслях и желаниях, – слова Эбигейл были жуткими, не думаю, что такое возможно. Скорее всего, причина, по которой она это знает, и по которой не считает меня другом, одинаковы... Как всегда...

– Л-ладно... Значит, я могу не стесняться говорить о чувствах к тебе и все такое?

– Да, если ты будешь делать это в контексте воспоминаний, а не как комплимент в настоящем.

– Как скажешь... – похоже, я был прав... – Ну, да, я влюбился в тебя. Смотря, как ты уходишь, я думал, стоит ли подойти прямо сейчас и познакомиться. Я сомневался, потому-что раньше этого не делал и не знал, как лучше себя ве-

сти. Все же, ты так сильно понравилась мне, что я решился на то, о чем никогда бы раньше не подумал. Я уже был прямо позади, но кто-то позвонил тебе. Решив, что ты скоро закончишь, я шел следом. И прошел достаточно много...

– Полпути до моего дома.

– Ага... Так ты меня видела?

– Нет, я узнала об этом позже.

– Ладно... Ну, в любом случае, ни смотря на мою решимость, мне не повезло, и ничего не вышло.

В следующий раз, когда мы пришли в школу на классный час, я вновь мог с тобой познакомиться, и я хотел это сделать, однако, мне пришлось разбираться в каких-то вопросах с учителем, и в это время ты ушла. Наконец, начались сами занятия. Я стоял у кабинета, думая о том, как с тобой заговорить, Алекс подбадривал меня и говорил идти. Ну, я и пошел. Ты не представляешь, как сильно я волновался, когда сел рядом. К счастью, ты была не против моей компании. После этого, весь день мы сидели вместе. Сначала ты относилась ко мне с осторожностью, но к концу дня уже расслабилась. Когда уроки кончились, я решился пойти с тобой, мы дошли до того места, где я тебя оставил в нашу первую встречу. Дальше нам было не по пути, но, сказав что «ради тебя я, так уж и быть, потрачу свое время», мы пошли вместе. Тогда, я впервые проводил тебя до дома, попрощался, и радостный пошел к себе. С того момента, я всегда провожал, когда мог.

– Да-а... На самом деле, было много моментов, которые делали меня счастливым. Помню, что в один день у нас был пропуск между уроками, мы сидели на диванчике и ждали. Мне стало как-то скучно, и я лег рядом...

– Тебе только подушки не хватает, – сначала я не понял, к чему Эбигейл сказала это, но потом до меня дошло.

– Нет, у меня, конечно, есть одна идея, но это уже вторжение в личное пространство.

– Я понимаю, о чем ты, но здесь уже занято портфелем, – мы посмотрели друг на друга и засмеялись.

– Да... Но, меня это особо не остановило, я немного отодвинул портфель и лег к тебе на колене.

– Ты ведь волновался тогда, да? Несколько раз спросил, не против-ли я этого.

– Есть такое, но ты ведь не возражала, что поражало, поэтому я и переспрашивал.

– Ага... Так, что ты еще помнишь?

– Я помню нашу прогулку. Это было весело... Мы ходили в парке, вдоль реки, и ты решила привлечь голубей травой. На удивление, один из них купился на это, потом еще один и другой... Совсем скоро их была просто куча вокруг нас. Один даже устроился у меня на плече и просидел там минут двадцать.

– Тогда мы с тобой еще около получаса стояли и смотрели за тем, что делают утки.

– А в другой раз, когда было уже прохладно, неожиданно пошел дождь. Мы зашли в какой-то магазинчик погреться и, чтобы тебе стало лучше, я сначала держал твою замершую ладонь в своих, а потом положил ее себе на шею.

– Это... Правда согрело мои еле сгибающиеся пальцы, – Эбигейл отвела слегка смущенный взгляд.

– Я старался. Ну... о том что мы постоянно переписывались можно не говорить... – как и о том, что я вечно был не свой, когда тебя нет рядом. – И знаешь, когда я встретил тебя, начал с тобой общаться... Во мне вновь появились силы. После того, что со мной сделала Катрин, я изменился, даже перестал петь. Просто не хотелось тащиться куда-то и заниматься, или хотя-бы дома тренироваться. Однако, благодаря тебе, я снова начал ходить к учителю и постоянно напевал что-нибудь.

– Точно! Еще, я вспомнил, как подарил тебе свою футболку. Одну из самых любимых и...

Занавес прошлого приоткрылся еще немного. Этого «немного» хватило, чтобы вновь стереть всю мою радость.

– Значит, ты вспомнил и это...

– Я хотел поцеловать тебя в тот день, но... Так и не решился. Я не мог отделаться от этого желания, и попытался сделать это на следующий день, в школе. Мне и тогда было крайне сложно побороть страх, ты уже собралась уходить, но я резко развернул тебя и...

– Я оттолкнула тебя, – могла бы и не говорить этого, я же тебя все еще люблю...

– Мда... Это было... Неприятно. Хотя, мы были знакомы только месяц, а я уже полез целоваться... Мы ведь не встречались... Короче, я винил себя. Но думал, что хоть ничего не вышло, еще не все потеряно.

– На следующий день мне было даже страшно подойти к тебе. Ты выглядела такой... злой? Я пытался с тобой заговорить, но ты сделала вид, будто меня вообще нет. От этого мне становилось еще хуже, и я все больше ненавидел себя. Мне казалось, что когда пройдет неделя, ты должна успокоиться, и сможешь меня хотя-бы послушать, но... У тебя такого желания не возникало. Я шел позади, уговаривая остановиться и выслушать меня, говорил, что можем находиться на расстояние пяти метров, но тебе было все равно. Я бы мог говорить, ты бы в любом случае услышала, но... Твоя реакция просто уничтожала меня. Я начал вставать перед тобой, ты обходила меня, это так меня задевало, что я сказал...

– «Ты же хочешь меня ударить, да? Так давай, ударь». Переспросив, хочешь ли ты, чтобы я это сделала, ты ответил «да». Думал, я не стану бить? Ты ошибся.

– Верно... Я совершенно не ожидал, что ты это сделаешь. После я медленно побрел хоть куда-нибудь. Прошел по тем местам, по которым мы гуляли вместе, сел на лавочку в парке, и просидел просто так часа два. Немного вернувшись в

реальность, я включил песню, которую не так давно дал тебе послушать. И текст ее был весьма символичен... Это была Fire and Fury... Не знаю, зачем еще больше закапывал себя... Пф-ф-ф... Даже не представляешь, как хреново мне тогда было.

Мы просидели в тишине пару минут.

– Может, тебе принести еще воды? – мне было тяжело смотреть на Эбигейл.

– Да, пожалуйста...

Когда Эбигейл вышла, я поднялся на ноги, и с разбега ударил по стене. Казалось, что я сейчас сломаю или руку, или саму стену. Было не так больно, как я ожидал. Особого гнева во мне не было, просто никак не мог понять, о чем она думала? Почему она ведет себя так? Да, я не прав, признаю, но почему она даже послушать меня не может? Я ведь больше не лезу к ней целоваться или еще что-то, просто хочу поговорить. Какая-же она странная... И почему я только в таких и влюбляюсь?

Выпив воды, я вспомнил еще кое-что: «Когда я сидел в парке, мне пришло сообщение от Маргарет. Думаю, в другом случае я бы удивился, но сейчас был слишком опустошен. Она писала: «Можем мы поговорить? Пожалуйста, мне это очень нужно». С усталостью прочитав сообщение, я ответил: «У меня и своих проблем полно, давай не сейчас». И ее «хо-

рошо»... Сейчас понимаю, насколько больно я сделал ей одной фразой». Потрясая головой, я уткнулся лицом в ладони: «И какого же хрена все так плохо?».

С трудом успокоившись, я сквозь пальцы посмотрел на Эбигейл, она ждала, пока я продолжу.

– Такое ощущение, что ты пришла, чтобы поиздеваться надо мной, а не помочь.

– Нет, это не так, но я должна вести себя определенным образом.

– Несешь какую-то фигню... Ладно, что было дальше, значит? Дальше, дальше... Твою... Алекс... Что с ним сейчас? Ты знаешь, в каком он состоянии?

– Я знаю не больше, чем знаешь ты, прости.

Я пустил ладони в волосы и упал на пол. Что с ним сейчас? Как он себя чувствует? Почему я не могу узнать, что с ним? Ему... Ему просто не повезло.

У Алекса была девушка, у них были очень хорошие отношения. Он был знаком с ее родителями и говорил, что отец очень агрессивный, часто кричит на девушку, иногда даже бьет. Алекс пытался ее оберегать, но не всегда это получалось. И... Однажды она... Забеременела. Мы еще слишком молоды, и поэтому, узнав это, Алекс совершенно не понимал, что делать. Он даже потерял сознание, когда только об этом услышал. Если-бы мы тогда не были вместе, ему бы

сильно досталось... В итоге, было ясно, что скрывать это точно не самая лучшая идея. Они отправились к родителям сначала Алекса, потом ее. Первые отреагировали... Эмоционально. Что только они им не наговорили, но вариантов не так много, потому, они смирились. Однако когда о беременности узнал отец девушки, то... Он со всей силы ударил ее. Алекс сразу заступился, тогда начали избивать и его. В итоге, у Алекса были сломаны ребра, позвоночник и руки с пальцами. Его привезли в больницу в крайне тяжелом состоянии, он был на грани смерти, а его девушка... отец убил ее. Забил насмерть.

После этого я приходил к нему в больницу, но он был без сознания. Было страшно смотреть на него. Все тело Алекса было изуродовано. Если-бы не его мама, меня бы вообще к нему не пропустили. От нее же я слышал, что теперь он навсегда останется инвалидом. Мне было очень сложно справиться с этим, ведь все наши мечты о группе рассыпались в одно мгновение. Я впал в депрессию. Мне совершенно ничего не хотелось делать и я... Просто хотелось, чтобы все, что окружает меня, исчезло, растворилось в пустоте.

– Слушай, Эбигейл... Я... Я вспомнил... Еще больше... Это... Это что за пиздец, вообще?

– Похоже, мы уже в шаге от финала...

Я просто сидел на полу, глядя на ладонь. Я не мог ни пла-

кать, ни кричать, ни биться в агонии, ни бить стену... Вообще ничего не мог и ничего не хотел. Не оправившись после случая с Алексом, мне позвонил Реймонд. Он плакал, говорил о том, что Лина вновь отвергла его чувства, как его все достало, и он хочет покончить с этим раз и навсегда. Я послушал его, сказал успокоиться, что все придет в норму... Я говорил это так холодно, что лучше-бы вообще молчал. Мне не особо хотелось утешать его, к тому же, подобное случилось раньше, поэтому я и не волновался.

Через пару дней, поздно ночью мне позвонила Дейзи. Я слышал ветер, будто она где-то на открытой местности:

– Д-Джаспер...

– Что у тебя случилось, Дейзи? Я вообще-то тут уснуть пытался.

– Я... Это... Я ее ненавижу... Ненавижу!!!

– Да, да... Успокойся. Кого ты там ненавидишь?

– Лину! Она... Она... Я хочу, чтобы она сдохла!! – даже несмотря на мое состояние, это начало меня пугать, ведь Дейзи всегда была добродушной и веселой.

– Так, тише, тише... Объясни мне, что именно произошло. Я постараюсь помочь тебе, чтобы не потребовалось.

– Ты... Ты не знаешь? Он... Из-за нее он... Реймонд повесился из-за этой твари! Она убила моего Рея!! Я же всегда так любила его, но он хотел быть с ней! Я делала все, чтобы они были вместе!! Я желала, чтобы он был счастлив!! А она

его убила!!!

Я совершенно ничего не понимал. Неужели, Реймонд... Мертв? Он сделал это в тот самый день, когда звонил мне? Неужели, он умер из-за меня? Я ведь никак не поддержал его... Хотя мог... И что собирается делать Дейзи? Где она вообще?

– Слушай Дейзи... Где ты? – мой голос дрожал так сильно, как не дрожат листья на ветру.

– На крыше дома.

– Ч-что ты там делаешь?

– Мне нет смысла жить, если рядом нет Рея. Я бы хотела забрать эту уродину с собой, но, к сожалению не могу. Прости, Джаспер. Ты был хорошим другом.

– Дейзи! Стой, не делай этого!

Однако было слишком поздно. Из телефона доносился гул ветра, а потом, связь оборвалась.

Я не мог поверить в то, что происходит. Один мой друг без сознания, и навсегда останется инвалидом, двое других мертвы... Почему Реймонд пошел на такое? Он бы никогда... А Дейзи... Она любила Рея... Да еще и настолько... Но... За что им все это? За что мне все это?! Почему у меня такая жизнь?! Я... ничего не понимаю...

Неожиданно, я безумно и громко рассмеялся: «Ты в порядке, Джаспер?». Я не слушал Эбигейл, лишь продолжал смеяться:

– Заткнись! Заткнись!! Ты нихрена не Эбигейл! – незнакомка удивленно посмотрела на меня.

– И кто я тогда, по-твоему? – немного придя в себя, я посмотрел ей в глаза.

– Эбигейл мертва. Как и Маргарет.

– Вот значит как... И с чего ты это взял?

– После смерти Дейзи я две недели пробыл дома, а потом пошел в школу. Медленно возвращаясь с уроков, у меня звонил телефон, это была Маргарет. Я не хотел брать, но, вспомнив, что произошло с Реем, всё же ответил. Это оказалась ее сестра, она сказала, что после переезда в другой город, Маргарет было очень одиноко, она чувствовала себя так, будто одна во всем мире, ей ни с кем там не удалось подружиться, а старые друзья отвернулись от нее. Я был последним человеком, которому она написала. Ей была необходима поддержка, но я не дал ее, и Маргарет наглоталась таблеток, и умерла от передоза. Ее сестра что-то еще говорила, но телефон выпал у меня из рук. Я и до этого был в глубокой депрессии, чувство отчаяния пожирало меня изнутри, а теперь, умер очередной мой лучший друг.

Знаешь, что произошло сразу после этого? То, из-за чего я даже не успел до конца осознать смерть «сестры». Ты прошла мимо меня, начала переходить дорогу, и какой-то придурак сбил тебя на полной скорости. Я видел это... Своими глазами. Ты отлетела метров на семь. Этот идиот затормо-

зил, выскочил из машины... Я сразу подбежал к тебе, начал трясти и пытаться привести в сознание, но... Ты уже была мертва. Ха-х... На удивление, именно твоя смерть заставила меня плакать и кричать... Я так крепко обнимал тебя... Люди пытались оттащить меня, но я ни за что не хотел отпускать твое тело... Я... Я не хотел верить, что и ты умерла. Меньше чем за месяц я потерял всех людей, которые мне были дороги, и просто не мог принять то, что ты в их числе.

Глава 4. Последние слова.

Около десяти минут мы сидели молча. Протерев мокрые глаза, я встал и подошел к окну. Было все так же тепло, солнце светило все так же ярко. Казалось, давно должен был пройти целый день, но мир снаружи никак не изменился.

– Слушай, Эбигейл... Последнее, что я помню, как обнимал тебя, но ведь было что-то еще... Перед тем, как я здесь оказался.

– Верно. Думаю, это ты не сможешь сам вспомнить... Но что по твоему могло произойти?

– Эта больница... Этот мир... С ним что-то не так. Когда я только очнулся, был в плохом состоянии, даже пальцем не мог пошевелить, но очень быстро пришел в норму. Когда я спрашивал у врача о том, что со мной произошло, он промямлил что-то о том, что меня сбила машина, но не думаю, что эта правда. Он уходил от ответа, когда я пытался что-нибудь выяснить. И вообще, врач этот и медсестра вели себя так, будто их второе имя «клише». Вид из окна тоже слишком идеальный, как из книги, и с того момента, как ты здесь, время будто остановилось. Когда я кричал как резаный, никто не пришел. Да и все твои странные фразы, будто ты знаешь то, чего не знаю я. Ну и, в конце концов, ты умерла... – Эбигейл хитро улыбнулась.

– А ты наблюдательный. Тогда, у меня к тебе три вопроса:

Что с тобой произошло? Что это за место? Кто я на самом деле?

– Хм-м... Я всегда отгонял мысли о суициде, но, учитывая, что со мной произошло... – я посмотрел на свои руки. – Ну да, это было очевидно, – на них красовались глубокие разрезы поперек вен.

– Раньше ты на них даже внимания не обращал, будто их нет. Это эффект того, что ты забыл все, что с тобой было.

– Вот как... Значит, я вскрыл себе вены, да? Получается, это что-то вроде чистилища, а ты проводник? – Эбигейл рассмеялась.

– Ты же никогда не был верующим, с чего такие догадки? Только первый ответ верный, ты совершил суицид. Это место, что-то вроде твоего подсознания. На самом деле, ты еще жив, лежишь у себя дома, истекая кровью и, возможно, ты просто решил таким образом вспомнить всю свою жизнь, не знаю точно. Ну а я... Я часть тебя. Часть твоей личности, сознания, называй как хочешь.

– Грубо говоря, ты это и есть я?

– Получается так.

– Но почему у тебя именно такая форма? Ты бы могла быть Алексом или Реймондом...

– Не знаю... Может потому, что именно Эбигейл была последним человеком, кто вызвал у тебя эмоциональный взрыв. Или твои последние мысли были именно о ней... На-

верное, вариантов достаточно много.

– Интересно... Выходит, твой характер и поведение, мои представления о Эбигейл?

– Да, в реальности она могла бы вести себя совсем по-другому.

– Ясно...

– Что же мне теперь делать? Я ведь скоро умру, а вместе со мной и ты.

– Да... Если честно, я не знаю... Ха-х, у меня есть одна идея, конечно...

– Какая же?

– Ты ведь хотел поцеловать Эби, так? Я – ее проекция, построенная на твоих воспоминаниях о ней, хотя, характер мой может меняться, в зависимости от тебя... Короче, если хочешь, можешь поцеловать меня, – Эби смущенно отвела взгляд.

– Раз ты так считаешь... – я подошел к ней, немного пригнулся и мы столкнулись лбами. Посмотрев пару секунд в ее глаза, я нежно обхватил Эбигейл.

– Знаешь, думаю, если бы ты была настоящей, тебе бы этого не хотелось, поэтому... Я просто крепко обниму тебя и дождусь своего конца.

– Ты даже в таких условиях придерживаешься своих принципов... Думаю, это хорошо. Хотя, фактически я хвалю себя... Да без разницы. Готов встретиться с неизвестностью?

– Наверное... В любом случае, меня особо ничего не держит в прошлом мире. Разве что, ты могла быть права насчет мамы, если так, то я сильно виноват перед ней. В любом случае, сейчас я уже ничего не изменю.

– В этом ты прав... Я чувствую, что осталось совсем немного времени. Последние слова?

– Я... Я люблю тебя.

– Ха-х... Надеюсь, ты еще встретишь ее. И всех остальных. Удачи...